

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ДИСКУРСА О СОЦИАЛЬНОМ РЫНОЧНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Россия постоянно ищет, «делать жизнь с кого». Киевская Русь училась у Византии, Московия Ивана III и Ивана IV — у Османской империи, петровская Россия — у Голландии, Россия XIX века — у «Европы». Попытки полностью отрешиться от поиска «путеводной звезды» и провозгласить самих себя «третьим Римом» или «родиной социализма» особого успеха не приносили. И теперь, в начале III-го тысячелетия, российская цивилизация в очередной раз ищет объект для подражания. «Равнение на Америку» уже, пожалуй, ушло в прошлое. В качестве главных кандидатов в наши «учителя» рассматриваются Западная Европа и Дальний Восток. Поскольку россияне склонны считать себя европейцами, то опыт англичан, немцев «и прочих разных шведов» кажется им ближе, чем экономические модели стран конфуцианского региона.

Поскольку Россия живет с чувством поражения в Третьей мировой («холодной») войне, то вполне естественен интерес к Германии. Потерпев в 1945 г. еще более сокрушительное поражение, эта страна смогла уже через 5 лет восстать из пепла, и сейчас бывшие победители с завистью глядят на бывших побежденных. Российский интерес к германскому опыту социального рыночного хозяйства, основанному на ордо-либеральной теории, подогревается тем, что «рейнская модель» кажется искомым «третьим путем» — то ли «капитализмом с человеческим лицом», то ли даже «социализмом с эффективной экономикой».

Давно было замечено — «не сотвори себе кумира». Чтобы очередная волна «копирующей» модернизации не обернулась очередным провалом, присмотримся внимательнее в черты «кумира» — не только в те, которые на виду, но и в те, которые скрываются в тени. Обсуждение в ходе сетевой конференции на Федеральном образовательном портале «Экономика, социология, менеджмент» <http://www.ecsocman.edu.ru> показало, что

«скрытых в тени» объектов довольно много. Цель данных замечаний — именно в том, чтобы указать на эти новые ракурсы обсуждения социального рыночного хозяйства.

Проблема № 1: почему ордо-либералы — аутсайдеры «экономикса»?

Первая проблема связана с довольно двусмысленным статусом, который имеют в мировой экономической науке немецкие либералы — творцы социального рыночного хозяйства.

Если исходить из того, что практическая ценность — высший критерий оценки экономических теорий, то ордо-либералы должны занимать наивысшие места в мировой «табели о рангах» экономистов XX века. Ведь перед нами, как будто бы, уникальный пример того, как более чем успешная экономическая реформа была проведена профессиональными экономистами в соответствии с разработанной ими новой экономической теорией.

Цикл «новая теория — программа реформ — проведение реформ» кажется само собой разумеющимся. Однако, если задуматься, он наблюдается крайне редко. Еще реже проведенные в соответствии с новой теорией реформы оказываются успешными.

Величайшим экономистом XX века называют Дж.М. Кейнса, но кейнсианская политика начала воплощаться Ф. Рузвельтом еще до выхода в свет «Общей теории занятости, процента и денег». Другие великие экономисты минувшего столетия либо вообще не занимались разработкой «больших» реформ (Й. Шумпетер, Р. Коуз), либо ограничивались лишь чисто теоретическим обоснованием (Т. Веблен, М. Фридмен). Когда же экономист-теоретик приходил «во власть», то результаты оказывались довольно двусмысленными (Т. Гайдар в России, Э. де Сото в Перу). Что касается реальных успешных «больших» реформ («японское чудо», «южнокорейское чудо», тэтчеризм, рейганомика и др.), то они готовились и осуществлялись харизматичными политиками, которые не слишком заботились о теоретическом обосновании своего видения экономического развития. Поэтому фигура Л. Эрхарда — крупного экономиста во главе успешных реформ — кажется редчайшим воплощением желаемого идеала соединения экономической теории с хозяйственной практикой.

Так какое же место занимает Л. Эрхард и немецкий ордо-либерализм на страницах современных учебников по истории экономической мысли? Практически никакое! В большинстве курсов по истории экономической науки немецкие ордо-либералы в лучшем случае упоминаются мимоходом, чаще — не упоминаются вообще. Среди лауреатов премии им. А. Нобеля по экономике Эрхарда, естественно, нет, хотя ее начали присуждать почти за десятилетие до его смерти. Налицо тайна истории — самый выдающийся, казалось бы, экономист XX века имеет статус своего рода «человека-невидимки».

Первый подход к разгадке этой «страшной тайны» можно найти, размышляя об общих закономерностях развития мейн-стрима экономической науки.

Преподавание экономических теорий основано на неявном предположении, что речь идет об изложении наиболее гениальных и глубоких концепций. Если бы это было именно так, то непонятно, почему с конца XVIII в. до конца XIX в. гениальные экономисты рождались почти исключительно в Англии и в «Германиях» (Смит, Рикардо, Милль, Маркс, австрийские маржиналисты), затем — в Англии и Америке (Маршалл, Веблен, Кейнс), а затем — только в США (Фридман, Беккер, Коуз, Норт).

Предположим, что гениальные экономисты рождаются главным образом в достаточно развитых странах. Однако где гениальные японские экономисты конца XX века? И почему уже в начале XX в. вдруг «замолчала» Германия? В мейнстрим не вошла ни поздняя немецкая историческая школа (Вебер, Зомбарт), ни ордо-либерализм. Есть, правда, три великих австрийца — Мизес, Шумпетер и Хайек (к ним можно добавить и венского венгра Поланьи). Однако их справедливо называют американскими экономистами, поскольку «состоялись» они все же в США. Франция за два последних столетия дала только Парето (швейцарская Лозанна — культурная периферия Франции) и Алле. Голландия — одного Тинбергена. Италия не дала ни одного по настоящему великого экономиста.

Суть дела — в отмеченной В. Ойкеном «интердепенденции»¹, примененной к экономической науке. Как сама экономика зависит от культурной, политической и иных сфер жизни общества, так и экономическая мысль включена в культурный контекст эпохи.

Развитие мировой культуры последних трех столетий — это противоборство нескольких национальных культур за право определять «дух эпохи». (В терминах И. Валлерстайна, речь идет о конкуренции самых сильных стран ядра за лидерство в капиталистической мир-системе.) В XVII–XVIII столетиях лидером была Франция, где «острый галльский смысл» изобрел термин «политическая экономия» и где возникла первая экономическая школа (физиократы). С конца XVIII до середины XX в. шло противоборство английской культуры с «сумрачным немецким гением»: «по очкам» побеждала Англия, но и Германии удавалось делать удачные «ходы». После Второй мировой войны интеллектуальное лидерство полностью перешло к американской культуре, которая до сих пор доминирует.

Как страна-лидер заставляет всех других поверить, что самые гениальные экономисты находятся именно в Англии (Германии, США)? Очень просто: лидирующая страна диктует язык международного общения (в эпоху Просвещения — французский, в позапрошлом веке — английский и немецкий, в XX веке — только английский). Того гения, кто печатает свои труды на каком-то ином языке, услышит «разве жена, и то, если не на базаре, а близко». Так было и с русским А. Чаяновым, и с поляком М. Калецким («открывшим» кейнсианство раньше Кейнса), и с французом М. Алле. Чтобы быть услышанным коллегами, гениальный экономист вынужден, как правило, переселяться в страну-лидер и вливаться в ее научное сообщество (как австриец Й. Шумпетер или русский В. Леонтьев).

Кроме того, не следует думать, будто язык научных исследований сам по себе нейтрален к содержанию текстов. Этнолингвисты доказывают, что в разных языках одинаковые понятия включены в очень разные системы ассоциаций, что диктует и совсем разные пути их осмысления. (Пример «на пальцах»: в русскоязычной культуре «деньги» скорее «грязные» и «бешенные», чем «честные»; «богатство» — скорее «духовное», чем «материальное».) Поэтому сдвиги в развитии мировой экономической мысли диктуются не только борьбой собственно экономических идей, но и столкновением разных культурных контекстов. Доминирующая с середины XX в. англо-американская культура диктует нам язык науки (английский), системы ассоциаций («невидимая рука» рын-

ка), способы осмысления проблем (эконометрика), и это, увы, приходится пока принимать как данность.

М. Сторчевой в ходе электронной конференции писал: «Центральная идея В. Ойкена о различении «порядка» и «процесса» — это рассказанная другими словами история Д. Норта о «правилах игры». Если бы немецкая экономическая наука стала бы мейнстримом, то вполне возможно, что новая институциональная экономика называлась бы сейчас ордо-экономикой или экономикой порядков. *Institution* и *Ordnung* — это почти тождественные понятия»². Очень интересная идея, в духе контрфактической истории. Однако эта альтернатива развития экономической науки маловероятна. В XX в., после поражения Германии в мировых войнах, немецкая экономическая наука *принципиально не могла* стать мейнстримом. Когда в конкуренции стран ядра одна из них терпит поражение, то одновременно терпит поражения и культура этой страны, обреченная в дальнейшем на периферийное положение в мировой культуре.

Взгляд на ордо-либерализм в общем контексте истории экономической мысли порождает много нетривиальных вопросов. Соглашаясь с тем, что ордо-либерализм — самостоятельный («провинциальный») вариант институционализма, мы получаем уникальную возможность поразмышлять над некоторыми проблемами Path Dependence. Когда в ГУ-ВШЭ в 2005 г. шла Интернет-конференция по работам Пола Дэвида³, то там как раз обсуждалась проблема, как опыт прошлого детерминирует освоение новых стандартов. Давайте взглянем на ордо-либерализм как на немецкий вариант освоения нового (институционального) стандарта экономического мышления. Чем этот немецкий вариант отличается от хрестоматийно известного американского варианта? Чем объясняются эти отличия? Происходила ли конвергенция или дивергенция двух вариантов?

Проблема № 2: что такое «социальное рыночное хозяйство»?⁴

Давайте теперь задумаемся, что вообще такое «социальное рыночное хозяйство». Дело в том, что этим термином обозначают весьма разные социально-экономические концепции и модели национальной экономики.

В литературе часто явно или неявно утверждается, будто разработанная Вальтером Ойкеном «теория порядка», идущие от Альфреда Мюллера-Армака концепции «социального рыночного порядка», сотворенное Людвигом Эрхардом «немецкое чудо» и современная германская модель экономики — это единый комплекс. Так сказать, Ойкен и Мюллер-Армак придумали, Эрхард воплотил, а современные немцы наслаждаются плодами. Однако на самом деле это не совсем так. Или даже совсем не так.

Начнем с вопроса о концепциях.

В книге Б.Е. Зарицкого со ссылкой на современного немецкого экономиста Х-Ф. Вюнше сообщается, что в самой Германии имеют хождение ни много, ни мало как 7 версий концепции социального рыночного хозяйства. Парадокс в том, что как раз либеральная версия Эрхарда наименее популярна, современным немцам больше нравятся интерпретации в более «социалистическом» духе⁵.

Этот разнобой в истолковании того, что же такое «социальное рыночное хозяйство», появился практически одновременно с возникновением самого этого понятия. Едва начались эрхардовские реформы, как обнаружилось, что либеральный экономист-практик Эрхард был далеко не во всем согласен с ордо-либеральным экономистом-теоретиком Ойкеном, а еще меньше — с католическим социологом Мюллером-Армаком (который собственно и придумал понятие *Soziale Marktwirtschaft*). Если вчитаться в «Полвека размышлений» Эрхарда, то с удивлением обнаруживаешь подчеркнутую отстраненность реформатора от неолибералов, которых принято считать его собратьями. Сам Эрхард считал своим «учителем и другом» вовсе не Вальтера Ойкена, а Франца Оппенгеймера, называвшего свое учение «либеральным социализмом»⁶.

Очень похоже на то, что термин «социальное рыночное хозяйство» оказался удобен именно своей неопределенностью, позволяющей каждому участнику дискуссии вкладывать в него свой смысл. Такие термины-лозунги хороши для политиков: во время предвыборной агитации одни избиратели будут слышать «социальное», другие — «рыночное», и те и другие охотно проголосуют «за». Однако экономисты (как и любые другие ученые) стремятся избегать терминов с блуждающим смыслом, поскольку

ку их использование мешает понимать объект дискуссии. Поэтому отказ «впустить» немецких либералов в мейнстрим экономической науки можно объяснить естественным нежеланием экономистов-теоретиков смешивать научный дискурс с популизмом. Это не значит, что экономисты-теоретики англо-американского мейнстрима глухи к проблеме коллизий между экономической эффективностью и социальной справедливостью (вспомним хотя бы «теорию справедливости» Д. Роулса). Однако они предпочитают пользоваться более строгой терминологией.

Итак, если рассматривать «социальное рыночное хозяйство» как концепцию, то обнаруживается, что под этим названием скрывается очень широкий спектр воззрений, от «правых» рыночных фундаменталистов в духе Хайека до «левых» социал-демократов.

Если же рассматривать «социальное рыночное хозяйство» как обозначение не теоретической концепции, а реальной хозяйственной практики, то и здесь обнаружится много «белых пятен».

Во-первых, как указали в нашей дискуссии Р.М. Нурев и А.Ю. Чепуренко, есть два весьма разных типа экономической политики, прокламирующих нацеленность на *Soziale Marktwirtschaft*.

«Социальное рыночное хозяйство-1» — это то, что делал в 1948–1966 гг. сам Людвиг Эрхард. При этом его действия далеко не во всем совпадали с его теоретическими убеждениями — как практический политик, он четко осознавал, что ради тактического успеха приходится то и дело «наступать на горло собственной песне». А с конца 1960-х гг. началось формирование «социального рыночного хозяйства-2», которое сохраняло старое название-лозунг, но делало акцент не на «рыночном», а на «социальном». И именно это «социальное рыночное хозяйство-2» кажется многим современным российским обществоведам очень привлекательным. Не случайно в Интернет-конференции было много докладов о социальной политике, но почти ни одного — о стимулировании конкуренции⁷. Между тем сам Эрхард, как и Ойкен, обеспечение экономической демократии ценил выше обеспечения социальной защиты. Но и социальную политику Германии мы склонны оценивать весьма односторонне — социальная защита, делающая работника пассивным получателем

государственно гарантированных льгот, вызывает больше интереса, чем социальное партнерство в духе *Mittbestimmung*, предлагающее работнику активную роль со-руководителя фирмы.

Во-вторых, обсуждение социального рыночного хозяйства как национальной экономической модели неправомерно сводить только к опыту Германии.

В литературе можно найти упоминания, что на германскую экономику во многом похожи экономические системы двух других немецко-культурных стран (Австрии и Швейцарии), а также Голландии и Бельгии. Мишель Альбер, чтобы подчеркнуть это сходство, активно пользуется терминами «рейнская модель» и «альпийская модель»⁸. В отечественной литературе, как будто бы, проблема сходства и отличия германской экономики в сравнении с ее соседями пока еще не становилась объектом специального анализа. В результате дискурс о социальном рыночном хозяйстве оказывается зауженным — из него выпадают не-германские модификации этой экономической модели.

Итак, анализ социального рыночного хозяйства должен быть обсуждением 7-ми (или более) концепций, 2-х этапов развития послевоенной Германии и 5-ти национальных моделей экономики. Только в таком широком контексте можно понять истинный смысл и настоящую ценность теории и практики социального рыночного хозяйства.

Проблема № 3: насколько эффективна германская экономическая модель?

Попробуем теперь критически взглянуть на представление о том, что германская модель социально-экономического развития, называемая социальным рыночным хозяйством, обеспечивает высокую эффективность.

С этой точки зрения показательна выставленная в Интернет-конференции статья М.В. Сеницына⁹. В начале этой статьи автор с оптимизмом заявляет, что «германская модель социально-экономического развития может считаться одной из лучших политик XX века». В конце же статьи он приходит к пессимистическому выводу, что «прежняя модель социальной политики зашла в тупик и не может справиться с вызовами времени». Может ли быть одной из лучших модель, зашедшая в тупик?

Можно, конечно, сказать, что никакого противоречия здесь нет: «одной из лучших» была модель социальной политики, предложенная Эрхардом и просуществовавшая до 1960-х; потом «был совершен поворот к кейнсианским методам экономического стимулирования», и эти-то кейнсианцы как раз и завели Германию в тупик. Одним словом, сначала социальная политика была правильной (направленной на «обеспечение условий деятельности индивидов, способных ... самостоятельно заботиться о себе»), а потом неправильной (направленной на перераспределение доходов).

Однако вспомним, что сообщил А.Ю. Чепуренко в ходе Интернет-дискуссии: «Послевоенная Германия была обществом с крайне малочисленными категориями неработающего населения... [поэтому] открытие возможностей для предпринимательского старта, поощрение малого и среднего бизнеса было наилучшей формой социальной политики»¹⁰. Но ведь создавшаяся в послевоенной Германии специфическая демографическая ситуация в принципе не могла быть длительной! Не кажутся ли тогда восторги в адрес Эрхарда несколько преувеличенными?

Ведь получается, что предложенная им социально-экономическая политика могла действовать ТОЛЬКО в очень специфических условиях послевоенной Германии. Условия же эти таковы: нуждающихся в социальной поддержке объективно было мало, а реформатор сидел «на штыках» англо-франко-американских оккупационных войск и мог осуществлять радикальные реформы, не отвлекаясь на всякие референдумы. Да, «оккупационные власти были не в восторге от идей Эрхарда» (А.Ю. Чепуренко). Однако все же уговорить тогдашнего руководителя оккупационных администраций американского генерала Люциуса Клея было куда легче, чем нормальный парламент¹¹. Реформы Эрхарда (по крайней мере, на начальном этапе, до провозглашения ФРГ в 1949 г.), как не странно, — это опыт авторитарной модернизации, произведенной «добродетельным тираном».

Когда же к 1960-м гг. демографическая ситуация стала более нормальной, то оказалось, что эрхардовскую модель необходимо менять. К тому же «дружеские штыки» оккупационных войск ушли в прошлое. Правда, возможность Эрхарда влиять на формирование социально-экономической политики, казалось бы, возросла: при Аденауэре он был «только» министром экономики, а

в 1963–1966 гг. Эрхард в роли канцлера ФРГ получил высшую власть. Но лучше бы он ее не получал. Более благожелательные биографы Эрхарда пишут, что «политик из него был посредственный», менее благожелательные говорят о «несостоятельности Эрхарда как канцлера»¹². Получается, что создатель «социального рыночного хозяйства» сам же его и дискредитировал.

Итак, когда Эрхард оказался в нормальных условиях, его реформаторский курс потерпел неудачу. Найденная им формула «немецкого экономического чуда» работала только в экстремальных условиях. Получается, что Эрхард был гениальным тактиком, но не очень способным стратегом.

В таком случае следует задуматься над вопросом: а правомерно ли утверждение, что в Германии со времен завершения Второй мировой войны вообще когда-либо существовала *по настоящему эффективная* модель социально-экономической политики? Ведь эффективная политика должна иметь потенциал длительного развития. Нельзя же считать эффективной политику, построенную по принципу «нам хорошо, а после нас хоть потоп»!

Может быть, если «социальное рыночное хозяйство-1» не обладало прочностью, то более успешным оказалось пост-эрхардовское «социальное рыночное хозяйство-2»?

Увы, практически все исследователи, сравнивая Германию времен Эрхарда с пост-эрхардовской, высказывают в адрес «наследников» Эрхарда весьма нелюбезные суждения. Судя по работам российских обществоведов, стоило Германии выйти из специфических послевоенных условий, как она создала модель социальной политики, которая

а) постепенно превратила суперчестных налогоплательщиков образца 1946 г. в злостных «уклонистов от налогов» 1990-х;

б) ведет к депопуляции немецкой нации;

в) обречена на скорый крах («договор поколений»), когда дети фактически обеспечивают пенсию своим родителям, в условиях депопуляции долго не продержится).

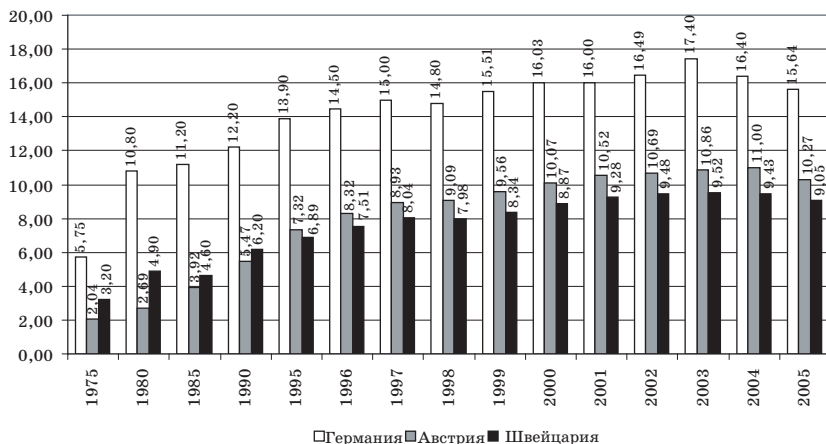
Если верить Б.Е. Зарицкому, современная Германия подозрительно напоминает СССР горбачевских времен: конкурентоспособность национальной экономики падает, теневой сектор растет как на дрожжах, все говорят о необходимости реформ, но никто не знает, как их осуществить.

Как экономисту, специализирующемуся на проблемах теневой экономики, в этой связи хочется вспомнить исследования австрийского экономиста Фридриха Шнайдера¹³, проследившего динамику роста теневого сектора в трех немецко-язычных странах — Германии, Австрии и Швейцарии — с 1970-х гг. до наших дней (табл. и рис.). Судя по его данным, ситуация в странах рейнско-альпийской модели, конечно, лучше, чем в постсоветской России, но... Почти троекратный относительный рост теневой экономики за последние 30 лет в Германии и Швейцарии, более чем пятикратный рост в Австрии — показателями успеха это не назовешь.

***Размеры теневой экономики в немецкоязычных странах
за 1975–2005 гг. согласно данным об использовании
наличных денег***

Годы	Размеры теневой экономики в сравнении с официальным ВВП					
	Германия		Австрия		Швейцария	
	%	млрд евро	%	млрд евро	%	млрд франков
1975	5,75	29,6	2,04	0,9	3,20	12
1980	10,80	80,2	2,69	2,0	4,90	14
1985	11,20	102,3	3,92	3,9	4,60	17
1990	12,20	147,9	5,47	7,2	6,20	22
1995	13,90	241,1	7,32	12,4	6,89	25
1996	14,50	257,6	8,32	14,6	7,51	27
1997	15,00	274,7	8,93	16,0	8,04	29
1998	14,80	280,7	9,09	16,9	7,98	30
1999	15,51	301,8	9,56	18,2	8,34	32
2000	16,03	322,3	10,07	19,8	8,87	35
2001	16,02	329,8	10,52	21,1	9,28	37,5
2002	16,59	350,4	10,69	21,8	9,48	38,7
2003	17,40	370,0	10,86	22,5	9,52	39,4
2004	16,40	356,1	11,00	23,0	9,43	39,5
2005	15,64	346,2	10,27	22,0	9,05	38,7

Может быть, история германской модели — это не история успеха, а история провала? В любом случае, следует констатировать, что рейнско-альпийским странам сейчас надо не столько служить объектами реформаторского подражания, сколько самим искать пути реформирования своей экономики.

***Динамика размеров теневой экономики в Германии,
Австрии и Швейцарии, 1975–2005 гг.,
% от официальных размеров ВВП***

Итак, у темы «Социальное рыночное хозяйство» обнаруживается много теневых аспектов, требующих пристального изучения, причем на основе междисциплинарного подхода. Вероятно, настало время создавать своего рода либералогииу — междисциплинарную общественную дисциплину, системно изучающую проблемы экономической, социальной и политической свободы. Именно в рамках либералогии и можно будет выработать комплексное представление об успехах и провалах социального рыночного хозяйства.

Примечания

¹ Используемый В. Ойкеном термин *Interdependenz* (буквально — взаимосвязь) означает взаимозависимость хозяйственного, правового и политического порядков. Это понятие имеет тот же смысл, что и идея «включенной экономики» Карла Поланьи.

² См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/271486.html>.

³ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/208637.html>.

⁴ В данном и последующем разделах использованы некоторые тексты из реплик С.Н. Ковалева на сетевой конференции.

⁵ Зарицкий Б.Е. Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. М., 2003. С. 35–37.

⁶ Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993. С. 515–521.

⁷ Интересным исключением является реплика Л.С. Яковлева, подчеркнувшего, что в современной России, как и в послевоенной Германии, главная задача — это не столько конструирование механизмом социальной защиты и социального партнерства, сколько выстраивание политики, нацеленной на содействие хозяйственной инициативе граждан (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274502.html>). Это — подход в духе именно Эрхарда.

⁸ Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб., 1998.

⁹ Синицын М.В. Основные черты германской модели социальной политики // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/272788.html>.

¹⁰ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/272096.html>.

¹¹ Кстати, когда говорят об «отцах» германской модели, то, как правило, забывают даже упомянуть тех администраторов (до 1949 г. Л. Клея, затем К. Аденауэра), которые «прикрывали» Эрхарда и тем самым обеспечивали ему мало-мальски приемлемые условия для реализации идей, отнюдь не пользовавшихся всенародной поддержкой.

¹² См.: <http://dissertation2.narod.ru/avtoreferats6/st2.htm>.

¹³ Schneider F. Rückläufige Schattenwirtschaft in Deutschland, Österreich und in anderen OECD-Ländern — Fluch oder Segen? (январь 2005): <http://www.econ.jku.at/Schneider/Schatt2005.pdf>.